

На правах рукописи

Кожеванова Екатерина Владимировна

**РЕЦЕПЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ
В РУССКОЙ / СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ XX ВЕКА**

24.00 01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Ярославль
2007

Работа выполнена на кафедре культурологии и журналистики
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический универ-
ситет имени К Д Ушинского»

Научный руководитель:	кандидат культурологии, доцент Ерохина Т И
Официальные оппоненты:	доктор философских наук, профессор Г М Нажмудинов, кандидат культурологии М И Марчук
Ведущая организация:	ГОУ ВПО «Мордовский государственный университет имени Н А Огарева»

Защита диссертации состоится 2 ноября 2007 года в 11 час на заседании диссертационного совета К 212 307 03 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата искусствоведения, кандидата культурологии и кандидата философских наук при ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет имени К Д Ушинского» по адресу г Ярославль, Которосльская наб , д 66, ауд 314

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Ярославского государственного педагогического университета им К Д Ушинского по адресу г Ярославль, Республиканская ул , 108

Отзывы на автореферат присылать по адресу 150000, г Ярославль, Республиканская ул., 108 Диссертационный совет К 212 307 03

Автореферат разослан « 1 » октября 2007 г

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат культурологии, доцент

Н Н Летина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

К концу XX столетия в области гуманитарных научных исследований активизируется интерес к феномену ментальности, с которым связывается новая возможность оценки и понимания происходящих в обществе процессов. Причем сложность и относительная малоизученность этого понятия, в последнее время существенно расширившегося в своих смыслах, способствует прогрессу исследовательской мысли, и феномен ментальности входит в социально-политическую публицистику, психолого-философскую литературу на правах научно признанной категории. Следовательно, **актуальность** исследования определяется необходимостью обращения к ментальной сфере национальных культур.

Во многих культурных, в том числе исследовательских, опытах ментальность реконструируется путем сопоставления с другой ментальностью. В этой связи обращение к проблеме межкультурного диалога (России и СССР XX века и средневекового мусульманского Востока) позволяет осуществить глубокий и всесторонний анализ ментального аспекта культуры. Отсюда, актуальным представляется выявление специфики рецепции мусульманской ментальности на территории России XX века – процедуры, обусловленной длительным историко-культурным освоением Востока со стороны русского сознания в результате двойной колонизации (имперской, затем советской). В мультикультурном постсоветском пространстве понимание специфики данного межкультурного диалога имеет особое значение для сохранившихся в России автономных республик (прежде всего с мусульманским населением), поскольку принципиально новая ситуация требует от людей уже не подчинения навязанным идеологическим принципам, единым социальным импульсам, а осознания себя представителями своеобразной национальной среды со своими ментальными, этническими, религиозными установками. Возможность познать себя, определить основы своего мирозерцания предоставляет межкультурный диалог, в данном случае русской и мусульманской традиций.

Наконец, изучение рецепции мусульманской ментальности представляется сейчас особенно актуальным еще и потому, что в начале XXI столетия сознательное искажение, извращение многих положений ислама порождает реальную угрозу со стороны религиозного экстремизма, провоцирует столкновение между представителями религий, цивилизаций, образов жизни. Для предотвращения и разрешения межкультурных и межнациональных конфликтов важно выявить ментальные особенности представителей разных этнических культур, обозначить пути, ведущие к национальной толерантности.

Автора данной диссертации интересует не ислам как таковой (это – дело религиоведов) и не мусульманская ментальность в ее аутентичном качестве (это – дело этнологов), а мусульманский модус, определяющий особенности мировосприятия в стране, расположенной в географическом перекрестье и несущей в своем культурном опыте груз взаимного интереса и, разумеется, взаимного непонимания Запада и Востока

Целью данного диссертационного исследования является выявление социокультурной и психологической специфики восприятия мусульманской ментальности в России XX века сквозь призму художественных текстов

Для достижения цели были поставлены следующие **задачи**, которые и определили структуру работы

- 1 Выделить основные смыслы категории ментальности применительно к мусульманской картине мира, явленной в классике восточной поэзии
- 2 Определить своеобразие межкультурного диалога России начала XX века со средневековым Востоком в аспекте поэтической традиции
- 3 Обобщить влияние социокультурных реалий советской эпохи на ментальные особенности мусульманского населения на основе анализа художественного текста

Проблема исследования связана с рецепцией мусульманской ментальности представителями русской культуры в аспекте художественного творчества. Данная проблема представлена в диссертации в разных научных ракурсах: восприятие эстетической, религиозной, философской традиций мусульманской культуры носителями русской ментальности – В Брюсовым и С Есениным, восприятие социально-культурных, политических, нравственных аспектов функционирования этой ментальности носителем собственно мусульманского мировидения – Т Пулатовым.

Объектом исследования является мусульманская ментальность в историко-культурном и художественно-образном ракурсах

Предмет исследования – рецепция мусульманской ментальности в репрезентативных образцах русской /советской лирики и эпоса XX века

Материалом исследования послужили аутентичные художественные тексты, где осуществилась рецепция ментальных особенностей мусульманства философские четверостишия (рубаи) О Хайама, поэтические стилизации восточной средневековой лирики, предпринятые В Брюсовым, цикл «Персидские мотивы» С Есенина и ставший пограничным в историко-культурном, социально-психологическом и художественном отношениях явлением роман Т Пулатова «Жизнеописание строптивого бухарца»

Выбор эмпирического материала определяется с точки зрения максимальной репрезентативности исследуемых произведений. В ряду традиционно рассматриваемых представителей классической персидской лирики, таких, как Руми, Джами, для российской историко-культурной системы особенно значимой, излюбленной, возможно, понятной и потому востребованной фигурой является О Хайам, рубаи которого стали источником подражания для русских поэтов начала XX века. Именно хайамовская афористичность, ироничность, философичность с легкостью и энтузиазмом воспринимаются иным (европейским) сознанием. В качестве реципиентов классической стихотворной традиции в данной работе выступают В Брюсов и С Есенин, что объясняется не только особым местом этих поэтов в традиции рецепции, но и личным интересом автора к творчеству русских поэтов. Идея «всемирной отзывчивости», включавшая в себя, в ее символистской версии, и обращение к поэтическому опыту восточных мудрецов, коснулась не только ее родоначальника, высоко эрудированного В Брюсова, но и куда менее «энциклопедичного», несомненно, талантливого «народного» поэта С Есенина. Для выбора эмпирического материала диссертации важно, что пути прочтения и интерпретации персидской классики русскими поэтами разойдутся в разные стороны в силу сугубо различных творческих и личностных интенций. Значимость этих двух фигур для данного исследования заключается в возможности обозначить разные полюса взаимодействия художников XX века с поэтической традицией средневекового Востока при общности восприятия «чужого» ментального материала.

Совершенно уникальный опыт имманентной (интроспективной) рецепции мусульманской ментальности представлен в трилогии «Жизнеописание строптивого бухарца» советского узбеко-таджикского писателя Т Пулатова, который, наряду с другими писателями национальных «окраин» советской империи, такими, как киргиз Ч Айтматов, грузин Н Думбадзе, армянин Г Матевосян, воссоздает мифологизированную в национальной (в его случае – мусульманской) традиции картину мира, вскрывая ментальный опыт через культуру повседневности, бытовые реалии бухарских улиц, домов, дворов, привычек.

Методология исследования. Методологические подходы, примененные в работе, отвечают теоретической базе современной культурологии, обогащенной методами и приемами других наук, в том числе культурной и исторической антропологии, этнологии, социологии, психологии. В диссертации использован комплексный подход к изучению воплощения определенной ментальной модели в культурном тексте, для чего привлечены методы сравнительно-исторического, психоаналитического анализа, методы герменевтики и семиотики, социокультурный и социопсихологический методы.

Сравнительно-исторический метод изучения конкретных явлений культуры в аспекте ментальности позволяет сопоставить различные национальные культуры с опорой на категории ментальности и диалога культур. Герменевтический подход к эмпирическому анализу культурных явлений востребован применительно к проблеме межкультурного диалога, происходящего в поле художественного текста (М Бахтин, В Библер, Х -Г Гадамер). Приемы семиотического анализа позволяют рассматривать проявления мусульманской ментальности в художественно-образной системе творчества, а также проследить процесс формирования ментальности в условиях мусульманской культуры повседневности (А Лосев, У Эко). Использование психоаналитической методики как частного метода анализа дает возможность вскрыть глубокий пласт национальной ментальности – сферу бессознательного (Д Кэмпбелл, К Г Юнг). Социокультурный и социопсихологический анализ культурного текста позволяет выявить механизм творческого процесса на основе ментальных и общественных закономерностей, воссоздать социокультурный контекст, в котором формируется творческая личность и осуществляется бытие персонажа.

К числу наиболее важных теоретико-методологических ориентиров, носящих обобщающий смысл для нашего исследования, принадлежат

- Всестороннее осмысление феномена ментальности (А Гуревич, Й Хейзинга, К Г Юнг, И Яковенко),
- Герменевтическая концепция диалога культур (В Библер, Х -Г Гадамер, И Кондаков),
- Теории мифологического и религиозного сознания (Э Голосовкер, Э Кассирер, Л Леви-Брюль, Л Митрохин, К Г Юнг)

Гипотеза исследования состоит в следующих предположениях

- творческая личность трансформирует ментальные характеристики в мотивы и образы-символы, берущие свое начало в коллективном бессознательном определенного субэтноса,
- в процессе межкультурного диалога, осуществляемого в рамках художественного творчества, происходит не только акт понимания творцом культуры прошлого, но и акт самопознания, самоопределения с точки зрения частных (этнических) и общих (ментальных) установок,
- рецепция классической мусульманской культуры в России первой трети XX века (В Брюсов, С Есенин) была реализована на философском и индивидуально-психологическом уровнях с опорой на художественно-образную систему творчества восточной поэтической классики (О Хайам),
- ментальные характеристики мусульманина – обыденной личности и творца – советского (тоталитарного) периода являли собой

сложный социокультурный конгломерат, актуализировавший мифологическое сознание в контексте социальных детерминант эпохи (Т Пулатов)

Степень разработанности проблемы определяется в нескольких аспектах. Тема диссертационного исследования обусловила обращение к широкому кругу научной литературы, посвященной как работам по теории и истории культуры, так и монографиям, посвященным изучению мусульманской культуры, исламу, в частности

Наиболее важными работами общего характера для исследования стали:

1 Концептуальные работы в области культурологии, посвященные истории культуры и проблемам ментальности и менталитета (А Гуревич, Ж Ле Гофф, И Хейзинга, К Г Юнг)

2 Философские исследования феномена мифа и мифологического сознания (Э Голосовкер, Э Кассирер, Л Леви-Брюль, Л Митрохин, К Г Юнг)

3 Труды по социологии и этнологии, посвященные стереотипам поведения и этнокультурной картине мира (В Богораз-Тан, Л Гумилев)

4 Теоретико-литературоведческие, культурологические, психологические исследования по проблеме мотива и образа-символа (А Веселовский, Г Гачев, З Фрейд)

Исследования эстетических и этических особенностей арабо-мусульманской культуры.

В трудах, посвященных культуре средневекового (исламского) Востока, такими исследователями, как М Каган, С Каганович, И Крачковский, А Мец определены основные черты художественного мышления средневекового художника-мусульманина, опирающиеся на принципы исламской религии. В востоковедческих работах Е Бертельса, М Степанянц подробно рассмотрены философские и эстетические аспекты суфийской лирики

Этнологические исследования, направленные на изучение бытовых и ментальных особенностей мусульманских народов, в советское время были подчинены официальной идеологии и, следовательно, во многом искажали объективное видение данной проблемы. Для проведенного диссертационного исследования, хронологические рамки которого, с точки зрения процесса рецепции, охватывают советскую эпоху, важным было обращение к работам советских же ученых второй половины XX века Н Аширова, Н Байрамсахатова, Ю Бромлея, Д Еремеева, Х Иноятова, Т Кары-Ниязова, где внимание концентрируется на негативных чертах исламской религии, идеи которой, как утверждают ученые, препятствуют социальному и культурному прогрессу, древнейшая мусульманская культура объявляется отсталой, застойной, полной религиозных суеверий, патриархально-родовых пережитков. Данные работы послужили в

нашей диссертации важным историко-культурным источником понимания атмосферы, системы координат, в которой при советской власти существовала мусульманская культура. Принципиальное отсутствие внимания к специфике национальной жизни, за исключением чисто бытовых деталей, не было компенсировано работами ученых в постсоветский период. Однако позднее появляются исследовательские труды (И Ермаков, Л Митрохин, Я Рой), развенчивающие созданный советскими учеными миф о несостоятельности культурного развития мусульманских республик.

Особый вклад в изучение исламской картины мира внес историк Д Щедровицкий, который провел глубокий всесторонний анализ исламской мифологической картины мира на основе сопоставления книг Священного Писания (Торы, Евангелия, Корана)

Труды, посвященные отдельным творческим личностям (О.Хайам, В.Брюсов, С.Есенин).

Малочисленность и отрывочность сведений о личности О. Хайама, разногласие и споры по поводу его поэтического наследия, а также малоизученность творчества В. Брюсова и С. Есенина в аспекте связи с восточной традицией,— все это сделало невозможным использование широкого круга критической литературы в данной работе. Изучение предмета исследования происходило непосредственно с опорой на художественные произведения и немногочисленные исследовательские труды, касающиеся тех или иных сторон поставленной проблемы. В исследовании поэтических текстов В. Брюсова, С. Есенина осуществлялась опора на литературоведческие статьи (С. Кошечкин, А. Марченко, К. Мочульский), воспоминания современников поэтов (П. Антокольский, Н. Гумилев, В. Ходасевич, В. Хлебников), а также на философские статьи самого В. Брюсова («Об Искусстве», «Истины (начала и намеки)», «Ключи тайн»)

В силу того, что творчество Т. Пулатова не было признано советской критикой, а личность писателя как «литературного функционера» заслонила для исследователей его оригинальное художественное творчество, практически отсутствуют исследовательские труды, посвященные прозе узбекского писателя, в области литературоведения и публицистики. И лишь совсем недавно (2005г.) в России, а не в Узбекистане вышла работа Э. Шафранской, в которой был осуществлен анализ мифопоэтики прозы Т. Пулатова, а также отражена мифологическая основа национальных образов в его творчестве.

Характеризуя степень разработанности интересующей нас проблемы на основе широкого круга трудов, актуализированных в диссертации, необходимо констатировать следующее. Несмотря на возросший в последнее время научный интерес к проблемам ментальности, в культурологии до сих пор не была предпринята попытка типологизировать данную категорию как модус личных творчес-

ких интенций, в том числе, осуществлявшихся в сложные, переходные в социально-политическом отношении периоды XX века

Научная новизна исследования определяется

- осуществлением эмпирического анализа художественных текстов различных эпох в контексте категории ментальности,
- применением герменевтического и, в особенности, семиотического методов к изучению проблемы межкультурного диалога, а также к проблеме выявления ментальности в условиях повседневности, воплощенной в художественных текстах,
- привлечением романа Т. Пулатова «Жизнеописание строптивого бухарца» как источника анализа мусульманской ментальности, актуализированной в ее повседневных проявлениях,
- постановкой проблемы рецепции ментальных характеристик одной культуры через художественный опыт носителей иной культурной традиции

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что

- интерпретированы в соответствии с исламской картиной мира на основе конкретных текстов О. Хайама специфические для мусульманского Востока образы-символы,
- систематизированы проявления рецепции творческими личностями России XX века средневековой восточной художественной традиции (В. Брюсов, С. Есенин),
- соотнесены с имманентной художественно-образной конструкцией романа писателя советского Узбекистана Т. Пулатова личностные (скрытые) мотивы и социально-культурные (явные) приемы рецепции мусульманской ментальности

Практическая значимость работы определяется возможностью проведения на основе разработанных принципов аналогичных исследований рецепции национальной ментальности в иных культурных традициях. Материалы диссертации могут быть использованы в лекционных и практических курсах по зарубежной (восточной) литературе, мировой художественной культуре, отечественной истории. Значимым является опыт исследования ментальных взаимодействий в актуальном контексте межнациональных контактов и толерантности.

Личный вклад диссертанта состоит в изучении историко-культурного механизма рецепции мусульманской ментальности, в выявлении этнопсихологической специфики культурных знаков (мотивов, образов-символов), содержащихся в произведениях классиков восточной и русской поэзии (О. Хайам, В. Брюсов, С. Есенин), в воссоздании специфической картины мира мусульманина советского периода через художественно-образный мир узбекского писателя Т. Пулатова.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1 Мусульманская ментальность, понимаемая как система координат, заданная человеческому сознанию и человеческому поведению социокультурной средой, может быть исследована в контексте взаимодействия с русской/советской культурой, актуализированной в художественных произведениях авторов XX века – В Брюсова, С Есенина, Т Пулатова
- 2 Художественный опыт творцов, рожденных на Востоке как в Средневековье, так и в XX веке, свидетельствует о том, что религиозные (исламские) представления укореняются в повседневности и через нее аккумулируются в коллективном бессознательном, а затем и в ментальности мусульманских народов
- 3 Рецепция мусульманской культуры русскими поэтами начала XX века (В Брюсов, С Есенин) имеет специфический, культурно и социально значимый характер и определяется не только общими ментальными особенностями реципиентов, но и своеобразием конкретных творческих личностей
- 4 Т Пулатов выступает апологетом системы исламских ценностей, защищая ее через обращение к древнейшим мифическим образам мусульманской культуры, но осуществляет это, в силу социальных реалий, через национальный образ обывденного мира (социум), где живет ребенок (личность)
- 5 Творчество автора, рожденного на национальной окраине тоталитарной империи, строится на основе рецепции национально-культурных традиций, в силу чего становление сознания героя-мусульманина вопреки и в контексте эпохи, а также его трансформация социокультурной действительностью советского времени дают репрезентативную картину духовной жизни общества

Апробация результатов исследования осуществлялась на заседаниях кафедры культурологии и журналистики ЯГПУ им К Д Ушинского, на региональных, всероссийских и международных научно-практических конференциях в Санкт-Петербурге, Ярославле, Саранске «Человек в информационном пространстве» (Ярославль, 2003 г), «Чтения Ушинского» (Ярославль, 2004г), «Культурология в контексте гуманитарного мышления» (Саранск, 2004 г), «Пушкинские Чтения» (Санкт-Петербург, 2005 г), «Столицы и столичность в истории русской культуры» (Ярославль, 2005 г), «Науки о культуре в новом тысячелетии» (Международный коллоквиум молодых ученых, Ярославль, 2007 г) Основные положения исследования отражены в 9 публикациях

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (Глава I «Теоретические и исторические аспекты понимания культурного смысла мусульманской ментальности», Глава II «Многогранность рецепции мусульманской ментальности в русской /советской культуре XX века») заключения и списка литературы, включающего 145 наименований. Общий объем работы – 148с

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность выбора темы исследования, рассмотрена степень изученности проблемы, определены цели и задачи исследования, декларирован его объект, предмет, материал, обозначена теоретико-методологическая база, сформулирована научная гипотеза, положения, определяющие новизну исследования, его теоретическую и практическую значимость

Глава I. Теоретические и исторические аспекты понимания культурного смысла мусульманской ментальности

1.1 Ментальность в аспекте образного структурирования картины мира

Изучение современной культурологической литературы дает основание утверждать, что **ментальность (или менталитет)** является многозначной дефиницией в силу ряда причин, и в первую очередь потому, что речь идет о сфере подсознания. Однако отсутствие общепринятых определений ментальности не является препятствием для работы исследователей, обращающихся к данной категории

Большинство представителей отечественной гуманитарной науки склонны употреблять дефиниции «ментальности» и «менталитета» как синонимичные, хотя в целом их синонимичное или специфическое использование не устоялось. В силу того, что в современном научном знании отсутствуют корректные критерии для разведения этих понятий, автор данного исследования, в рамках которой категория ментальности (менталитета) носит вспомогательный, инструментальный характер, не ставит перед собой задачи определить четкий научный статус дефиниций «менталитета» и «ментальности», однако принимает к сведению позиции ученых, установивших разницу между этими категориями

Дефиниция *ментальности* может быть репрезентативно представлена с учетом опыта гуманитарных исследований в этой области. В историко-культурном анализе французских ученых (Л. Февр, Ж. Ле Гофф, Э. Леруа-Ладюри) ментальность обнаруживается, прежде всего, как причина «сопротивления» переменам в социополитических или идеологических сферах (инерционность ментальности). В этом отношении ментальность предстает как «система координат,

(за)данная человеческому сознанию и человеческому поведению той общественной средой, в которой данный человек существует»

Гуманитарная наука XX века обратила свое внимание на такую важную составляющую ментальности (менталитета), как сфера бессознательного. Истоки феномена ментальности обнаруживаются в области первобытного мифологического мышления, основу которого, по мнению Л. Леви-Брюля, составляет закон «мистического сопричастия» («партиципации») или принцип идентификации части как целого (по Э. Кассиреру). Не ставя под сомнение достижения Л. Леви-Брюля, Э. Голосовкер усматривает логику мифологического мышления (да и мышления вообще) не в «законе партиципации», а в «законе имажинации» (воображения), который есть абсолют, определяющий все другие законы познания и творчества. Это имажинативное бытие, которое созерцает в своем воображении мыслитель, является не просто чувственными образами вещей, но образами идей и смыслов (символами). К. Г. Юнг, указывая на архаико-мифологический характер бессознательного способа мышления и обозначив его содержание термином «архетипы», также указывал, что в процессе осознания и восприятия архетипы приобретают форму, становятся символами и тем самым входят в мир человечески-ограниченного понимания, не искажая при этом своей сущности. Л. Митрохин, вслед за К. Г. Юнгом, развивает культурфилософский подход к проблеме менталитета (ментальности), считая национальное мифологическое сознание неким «коллективным бессознательным» или «охранительным» архетипом.

В диссертации учитывается, что в XX веке человек мыслится в семиотической традиции как «существо символическое» — он живет в сложной системе символических знаков, посредством которых осознает свое окружение, свой социальный и природный мир. Такое понимание человека и его способностей определило новый подход к ментальности в культурологии. В то же время в герменевтике природа человеческой ментальности рассматривается как «разворачивание пространства смыслов и взаимодействие смыслов и психики человека».

И. Кондаков, также рассматривающий менталитет в герменевтической парадигме, противопоставляет это понятие категории межкультурного диалога. По мнению исследователя, «содержательная определенность каждой национальной культуры, ее неповторимо своеобразная культурная семантика обуславливаются ее интересным ценностно-смысловым «ядром», то есть национально-культурным менталитетом». В то же время каждая культура обладает интертекстуальностью, то есть открытостью для межкультурного диалога.

Сущность и механизм *диалога культур*, происходящего не просто в поле художественного творчества, но в зависимости от ментальных особенностей взаимодействующих субъектов, важно рассмотреть в той же герменевтической традиции, согласно которой художественный текст вовлекается в особый процесс *понимания, истолкования и применения*

Понимание, в контексте проведенного исследования, – это процесс «слияния горизонтов» (Х -Г Гадамер), «граней культур» (М Бахтин), процесс «диалога» Парадоксальной является ситуация, когда две культуры, обладающие различным историческим бытием, способны «общаться» в абсолютной одновременности. Причем общение и взаимопонимание индивидов, позиционируемых в контексте различных культур, становится возможным через язык, благодаря которому осуществляется *истолкование*, а значит самодетерминация индивида в горизонте бытия его культуры. Объявляя сущностью языка игру, Х -Г Гадамер связывает ее с понятием «герменевтического круга». Именно круг раскрывает понимание как игру между интерпретатором и художественным текстом, традицией. Игра традиции и интерпретации порождает «мир впервые» (В Библер), который создается автором (интерпретатором), читателем за счет *применения* (аппликации). Истолкование непременно включает в себя применение понятого к современной ситуации, что позволяет культурной традиции прошлого стать действенной и получить авторитет, новое бытие.

«*Диалог культур*», как это рассматривается в диссертации, происходит в зоне взаимодействия ценностей, норм, значений, которые заложены в художественном образе. Структурные элементы последнего (*образ-символ* и *мотив*) несут в себе основную информационную нагрузку, обобщают особенности быта, конкретизируют эстетический идеал той или иной культуры.

Используя семиотические представления, можно сказать, что на уровне художественного образа *мотив* и *образ-символ* соответствуют понятиям «означаемого» и «означающего». Смыслообразующий характер структурных элементов мотива и образа-символа предполагает необходимость, в свою очередь, обращения к герменевтическим представлениям. Так, понятие «смысл» предполагает содержательное единство, которое может меняться в зависимости от воспринимающего субъекта и контекста восприятия.

Обращение к опыту культурологического (Г Гачев) и психоаналитического (З Фрейд) анализа воплощения мотивов в конкретных образах-символах, позволяет прийти к следующему выводу. Мотивы, являясь неизменными знаками, наполняются новым смыслом в зависимости от воплощающих их образов-символов. Последние, в свою очередь, детерминированы особенностями эпохи, националь-

ной культуры и творческой индивидуальностью автора конкретных произведений

На основании установленного нами принципа соотношения между мотивом и образом-символом, а также опираясь на особенности классических образов средневековой суфийской лирики, выявленных Е. Бертельсом, мы далее обращаемся к исследованию специфики творчества разных авторов как ментально обусловленной деятельности на основе устойчивых форм восточной поэтической классики

1.2 Отражение ментального опыта мусульманина в образной системе творчества О.Хайама

Специфика мусульманской ментальности в творческой личности О.Хайама.

Исследователи поэзии О.Хайама говорят о ней как о противоречивой, причину чего видят в слишком разнообразной интерпретации переводчиками рубаи персидского поэта. По нашему мнению, столь разные по тональности стихи есть следствие двойственной сущности мусульманской ментальности, включающей в себя не только картину мира кочевых племен (арабов-бедуинов), но, в равной степени, представления земледельческих завоеванных народов, влившихся в культуру ислама (персы-зороастрийцы). Согласно идее Г.Гачева относительно национальных образов мира, в основе исламского космоса лежит «некая верховность и кентавризм кочевников верхом на земледельцах».

Соглашаясь с данной точкой зрения ученого, мы установили, что в ментальном опыте творческой личности О.Хайама четко прослеживается бунт земледельческого космоса (влаги) против традиций кочевнической культуры (камня). Идее фатализма (мотив судьбы) ортодоксального ислама, воспитывающего в сознании мусульманина покорность по отношению к бытию, персидский поэт противопоставляет, по сути, общечеловеческую идею «человек — венец творения», отстаивая право смертного самому распоряжаться своей судьбой. Проблему бренности мира, недолговечности человеческой жизни О.Хайам решает со свойственным ему остроумием, обрушивая на аскетичных и воинственных кочевников представления о культе любви, неги и блаженства, «развращая» бедуинскую культуру «запретными плодами» рая. И, наконец, открытый и ясный для кочевников небосвод астроном и философ О.Хайам «занавешивает» тайнами мироздания, подводя мусульманина к мистическому способу постижения божественной истины, которая воплощается в женском (солнечном) начале.

Исламская картина мира в мотивах и образах-символах

Культурный опыт человечества показывает, что в художественном образе заложены элементы ментального опыта творческой лич-

ности, то есть те коллективные представления, или архетипы, которые изначально содержатся в бессознательном человека, но способны обрести форму в виде символов

Поскольку архетипы содержатся в национальном мифологическом сознании, то мифологические мотивы в классической арабо-персидской культуре могут стать репрезентативным источником раскрытия мусульманского менталитета. В связи с этим в диссертации предпринята попытка интерпретации мотивов и образов-символов в лирике О Хайама на основе мифологического дискурса исламской картины мира, зафиксированной в ментальном опыте мусульманина. Классификация «винных» образов-символов персидского поэта позволяет выделить некоторые пары *предмет* (вино, кувшин) и *человек*, связанный с этим предметом (виночерпий, гончар)

Обратившись к образной системе персидского поэта, мы пришли к выводу, что характерные для хайамовской поэтики образы-символы вина и виночерпия, глиняной чаши и гончара (гончарного круга) наполнены мифологическим содержанием и отражают средневековую исламскую картину мира. Они оказываются тесно переплетенными с мусульманскими мотивами предопределенности бытия, быстротечности жизни, которым противопоставляются характерные для суфизма мотивы радости жизни, восхождения к божественной истине. Причем один и тот же образ-символ способен выражаться в контрастных мотивах, что свидетельствует не только о бинарности восточных образов, но и дуализме мусульманской ментальности, в основе которой лежит кочевнический космос первых арабов-бедуинов, с одной стороны, и земледельческий космос завоеванных народов речных цивилизаций (в том числе и персов)

Глава II. Многогранность рецепции мусульманской ментальности в русской / советской культуре XX века

2.1 Интерпретация восточной поэтической традиции в русской культуре начала XX века

Логико-рационалистический аспект наследования восточной традиции в творчестве В Брюсова

В диссертации утверждается, что взаимодействие В Брюсова с арабо-персидской лирикой развивалось в двух аспектах: 1) в русле хайамовской традиции и 2) в традициях суфийской поэзии. Философская восточная лирика как нельзя больше соответствовала рационалистическому стилю поэзии В Брюсова. Поэт мастерски использует форму рубаи, однако вкладывает в нее аналитическое видение мира, в отличие от синтетического взгляда О Хайама. Субъективно-экспрессивный набор художественных средств персидского поэта сменяется строгим рационалистическим выбором образных средств у В Брюсова.

Рубаи О Хайама привлекли русского символиста близостью к научной, в частности философской, системе мировосприятия, рационалистической сутью. Взывая сквозь века к праху самого персидского поэта, В Брюсов тем самым уже в своем творчестве актуализирует гедонистическую философию О Хайама. Рожденный на рубеже веков, мотив самолюбования поэта, возвышения своего «я» над остальными характерен для всего творчества В Брюсова. Поэтому традиционному для восточной поэзии смирению (или, по крайней мере, стремлению к нему) В Брюсов противопоставляет свойственную европейскому менталитету уверенность в собственной значимости.

Мусульманская художественная традиция как нельзя больше соотвествовала задаче воплощения «брюсовской» женщины. Более того, именно мусульманский мистицизм с его любовной, эротической лирикой стал наиболее привлекательным для русского символиста.

В Брюсова особо привлекала суфийская символика, с помощью которой восточные поэты пытались передать то, что, в сущности, непередаваемо, то, что находится вне логики, в сфере подсознательной. Образы суфийских мистиков создают в брюсовской лирике особый эротизм, призванный вызывать эстетический восторг, духовный экстаз у слушателя. Однако это не значит, что Брюсов стал буквально проповедать суфизм. Его божество совсем иного рода – творчество, с помощью которого поэт становится сверхчеловеком. Женский образ здесь – своего рода жрица любовного ритуала, у нее нет лица конкретной живой женщины.

В Брюсов, подобно поэтам суфийской мистики, использует язык любовных газелей ради прикосновения к «таинственному и странному», несущему «божественный огонь» познания. Основываясь, вероятно, на практике суфийских радений, В Брюсов считал, что достичь состояния «божественного» человек может только в «мгновения экстаза, сверхчувственной интуиции» и что «задача искусства и состоит в том, чтобы запечатлеть эти мгновения прозрения и вдохновения» («Ключи тайн» В Брюсова).

На основе анализа поэтического творчества В Брюсова, в первую очередь, его пласта, связанного с наследованием восточной традиции, мы пришли к выводу об аналитическом типе личности русского поэта. Исследуя «я» лирического героя, поглощенного собственным гипертрофированным миром, можно говорить об интровертированном сознании русского символиста. Кроме того, мы установили, что В Брюсов обладает темпераментом флегматика, на это указывают и некоторые биографические источники, в особенности воспоминания современников поэта (Н Гумилев, В Ходасевич). Опираясь на типологию личности А Лазурского, мы считаем, что В Брюсова можно отнести к интеллектуальному (логическому) типу личности. Русский символист использует традицию суфизма ради

сознательно осуществляемого эксперимента актуализации собственных теоретических положений о мистической природе творческого процесса По сути дела, В Брюсов проводит очередной научный опыт в рамках собственной идеи «всемирной отзывчивости», перевоплощаясь на этот раз в средневекового суфийского мистика *Интуитивно-эмоциональный аспект наследования восточной традиции в творчестве С Есенина.*

Вдохновляясь творчеством персидских классиков, С Есенин откровенно и простодушно заимствует внешнюю, эмоциональную – особенно эффектную – сторону восточной поэзии Очарованный эстетическим совершенством персидского стиха, прежде всего, особой напевной интонацией, стройной упорядоченностью и музыкальной гармонией стихов, русский поэт насыщает свою лирику восточными географическими названиями (Тегеран, Хороссан, Шираз, Багдад), звучными экзотичными именами (Лала, Шаганэ, Саади, Хайам) Особая музыкальность создается у С Есенина повторами, ассонансами («е», «а», «о»), аллитерацией

Если В Брюсов пытался приобщиться к мистической сути суфийских образов-символов, то С Есенин интуитивно восприняв внешний, зримый смысл этих знаков ведет с ними своеобразную *словесную игру*, которая имеет эмоционально-субъективную основу и строится на личностных ассоциациях поэта Опыт поэта подтверждает, что художественный образ, основанный на ассоциации, является, по З Фрейду, приемом «остроумной мысли» З Фрейд опирается на представление об «изображении при помощи противоположностей» или «контраста представлений» В стихотворении С Есенина («Я спросил сегодня у менялы») нечто подобное возникает, когда понятия «люблю», «поцелуй», «моя», соотносятся с восточными образами-символами (взгляд, покров, роза) Однако эти образы-символы воспринимаются русским поэтом не как абстрактные философские категории, а как конкретно-вещественные знаки, органически входящие в само понятие любви Так в лирике С Есенина возникает «контраст представлений» восточного и русского человека Традиционный суфийский мотив срывания чадры (покрова) с лика Возлюбленной (Истины) лишен своего философско-мистического смысла и переведен в конкретно-чувственное содержание Слово «моя» вводится на ассоциативном уровне поэтом с помощью индексального знака – рук, срывающих чадру с восточной женщины

Как видим, С Есенин ведет своеобразную словесную игру понятий, которые запрещены в мусульманском мире, он пытается перевести на «язык» восточных образов-символов, традиционно обладающих абстрактно-философским содержанием Однако в данном стихотворении они предстают в конкретно-чувственном плане, как глаза, губы, руки, то есть как индексальные знаки любви и страсти русского поэта

С Есенин, наследуя суфийскую поэтическую традицию, обращается к двойному образу-символу чадры (покрова) и лика (взгляда). Но, если в лирике мусульманских мистиков эти образы-символы соответствуют организации самой жизни, то есть выступают в качестве *религиозной* категории, то в творчестве С Есенина они тесно связаны с *философскими* воззрениями русского поэта и перерастают в мотивы любви, радости бытия, быстротечности жизни, связанные с традицией О Хайама.

Ментальности русского поэта на интуитивном уровне оказывается близко философское творчество О Хайама. Однако характерные для восточной лирики мотивы быстротечности человеческой жизни и радости бытия переосмысливаются С Есениным. Поэт раскрывает их с помощью традиционно русского мотива любви к родине, согласно которому счастье состоит в духовном слиянии человека с общей гармонией мира живой природы, из которой тот вышел. В отличие от О Хайама, русский поэт не оспаривает законы бытия, не сетует на невозможность для человека постичь тайны мироздания, а с радостью и благоговением готов принять мир таким, каков он есть.

С Есенин сумел интуитивно проникнуть в сущность восточной культуры, постичь эстетическое совершенство персидской лирики. Поэт написал необычную стилизацию, не употребив ни одного собственно клише восточной поэзии, а взяв за основу лишь формально-языковую сторону персидской лирики (напевность, лексическая простота, четкость ритма, звучность восточных имен, названий, наконец, твердая устойчивая форма рубаи). Однако в мир мусульманского Востока он перенес и свое мировосприятие, обнаруживая взгляд русского человека на экзотику «шафранного края». При всей точности стилизации «под Восток» каждая строчка «Персидских мотивов» остается авторской индивидуальное своеобразие русского поэта органично вобрало в себя особый язык восточной лирики.

2.2 Социокультурные реалии XX века в личном опыте писателя-мусульманина (Т.Пулатов)

В романе узбеко-таджикского «русскоязычного» писателя Т Пулатова «Жизнеописание строптивого бухарца» представлен особый взгляд «изнутри» на бывшую культурную столицу Туркестана – Бухару, один из главных духовных центров исламской цивилизации, ставших мишенью идеологического террора в советский период. Применительно к поставленной в диссертации проблеме рецепции данный материал является уникальным еще и в том смысле, что сам Т Пулатов оказался в ситуации «транскультуры» – «виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам» (М Эпштейн). В этом аспекте его роман о жизни ребенка в советском Узбекистане – своеобразный транслятор столкновения двух различных картин мира, систем ценностей, принадлежащих мусульманскому ареалу, с одной стороны, и коммунистическому субэтносу, с другой.

Сконцентрировав устойчивые представления о Востоке в невин-

ном детском сознании (ребенок не столько думает, сколько воспринимает), он исходит из того, что только ребенок, с его незамутненным синкретичным восприятием внешнего мира, способен воплотить в себе архаическое сознание человечества, культурную память предков и тем самым защитить национальную культуру от унификации в сфере духовной деятельности, от привычного клейма, в соответствии с которым культура была «социалистическая по содержанию, национальная по форме»

Духовно-символический уровень личностного бытия мусульманина: система «ребенок-семья-род»

Посредством культурных кодов, выделенных У Эко, можно охарактеризовать лежащие в основе ментальности различные культурные традиции, в том числе интересующую нас мусульманскую. В данной работе использованы два таких кода 1) *этикет* и 2) *системы моделирования мира*

С самого рождения герой повести – ребенок, рожденный во второй трети XX века в советской Средней Азии, – вовлечен в атмосферу сложившегося и незыблемого *этикета* системы внешних норм, правил, обычаев, конвенций, табу, суть которых пока неподвластна детскому сознанию. Для мальчика это бытие другого порядка, странный мир взрослых, которые разговаривают на «птичьем языке» и заключают «тайный сговор» со всем, что появилось в доме до него, Душана. Ребенок осознает повседневный быт родного дома на уровне конвенций либо табу, подобно тому, как древние люди пытались договориться с окружающим миром.

Однако детское (архаическое) сознание способно на более сложное и глубокое постижение обыденного через сложившуюся *систему моделирования мира* мусульманского сообщества. Национальная картина мира становится своеобразным кодом, используемым для расшифровки процесса наращивания ментального опыта в сознании мусульманина. Экзистенциальная сущность природного мира, с которым органически срослась душа ребенка, раскрывается с помощью *мотива памяти рода*. Трепетное, благоговейное отношение «восточного» человека к истории своего рода трансформировалось в представлениях Душана в тайную и мистическую связь с предками, которую он ощущает непосредственно в самом себе.

Погружение в повседневность предстает одним из основных способов освоения мира, благодаря которому процесс онтогенеза получает свое развитие. Именно культурная универсальная память, хранящаяся в детском сознании, позволяет человеку впервые познать и понять тайну окружающего его мира.

Если в первой повести цикла повседневность исламского мира как пространство онтогенеза лишена социально-политических реалий советской эпохи, то в последующих частях романа широко актуализированы социокультурные смыслы рецепций сквозь призму мусульманского сознания.

Социально-политический уровень обезличенного бытия «восточного человека» система «подчиненный-руководитель»

Значительная историко-культурная ценность романа-цикла Т. Пулатова связана с попыткой соотнесения, в том числе противопоставления ментального и социально-политического опыта личности в условиях явных противоречий двух названных векторов опыта. В определенное время к формированию ментальности человека подключаются социальные структуры – детские сады, школы, – где глазам ребенка предстает новый (реальный) мир, не прикрытый «защитной дымкой тайн и иллюзий». В романе Т. Пулатова ребенок-мусульманин помещен не просто в детское социальное учреждение, но в совершенно специфический мир, с чуждыми ему ценностями, традициями и нормами общежития, – интернат.

Мусульманская ментальность, укорененная в сознании бухарских (столичных) аристократов как память поколений, не соответствовала мировоззрению, сориентированному на формирование тоталитарного государства. Все, что являлось особенным, неповторимым в национальной культуре той или иной республики, решительно изживалось. Деконструктивный характер тоталитаризма выразился в разрушении культурных, религиозных, ментальных связей в Средней Азии. Поскольку хранителями этих связей были древние столичные роды, ломка сознания происходила именно среди их представителей. Советская власть стремилась всячески принизить культурный статус столичных городов, а среди жителей активно проводилась политика насаждения «комплекса провинциальности».

Семейное воспитание в строгих мусульманских традициях, верность кораническим заветам, заложенным в сознание ребенка бабушкой, не позволяет Душану принять новые нормы жизни, которые навязывались советскими идеологами. Однако, вернувшись из интерната, герой уже не может жить по-прежнему в своем старом родовом доме – чужой взгляд на мир, пришедший из советской России, рушит семейные связи, растворяет древние мусульманские традиции во влиянии иных ментальных тенденций. Ситуация «между», в которой оказался герой, позволяет выделить ценностные доминанты мусульманского мира и советской России, причем через восприятие среднеазиатского жителя, а значит сквозь призму национальной семантики.

В советском Узбекистане сложился гетеростереотип, описывающий русский этнос в виде системы этнопсихологических эталонов советской идеологии, что, в общем, не может быть применимо к этнической культуре собственно русской нации. Принципиальная некомплементарность в восприятии русских была обусловлена тем, что этнические ценности мусульманского мира (сакральность семейного быта, религиозность сознания, почитание старшего поко-

ления, преемственность традиций) и коммунистического субэтнуса (коллективизм, «иероглифичность и агрессивность массового сознания», сознательный разрыв семейных связей) были, как правило, взаимоисключающи, и уж во всяком случае, плохо совместимы между собой

Впитав культурный опыт предков, мусульманин, даже на долгое время выключенный из родного космоса, остается носителем прежних ментальных характеристик (Душан в советском интернате). Тем не менее, для тех, кто по каким-то причинам не имел возможности пройти «ментальную обработку» родовыми, семейными традициями, существует реальная опасность соблазниться новой, современной идеологией и потерять тем самым культурные национальные корни. В романе Т. Пулатова показана такая ситуация и в отношении взрослых (Пай-Хамбаров, Наби-Заде), и (что еще страшнее) в отношении детей, воспитанников интерната, ставших сиротами во всех смыслах.

Возвращаясь к бытовым реалиям уже новой, советской, действительности, где происходит постепенная утрата мусульманами главной своей ценности – культурной и родственной связи с близкими, – Т. Пулатов видит единственное спасение в незыблемых основах жизни старшего поколения, авторитет которого никогда не переставал цениться в исламском мире.

В Заключении диссертации излагаются основные выводы и намечаются возможные перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Опубликовано в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1 Кожеванова Е. В. Рецепция советского мировосприятия в Средней Азии [Текст] / Е. В. Кожеванова // Регионоведение – 2007 – №3 – С. ~~332-337~~ (0,5 п. л.)

Другие публикации

2 Кожеванова Е. В. Информационный потенциал межкультурного диалога [Текст] / Е. В. Кожеванова // Материалы конференции «Человек в информационном пространстве» – Воронеж-Ярославль, 2004 – С. 95-97 (0,25 п. л.)

3 Кожеванова Е. В. Категория ментальности как основание культурологического исследования [Текст] / Е. В. Кожеванова // Язык и культура. Материалы конференции «Чтения Ушинского» – Т. 1 – Ярославль, 2004 – С. 252-257 (0,3 п. л.)

4 Кожеванова Е. В. Изучение проблемы диалога культур в контексте интерпретации восточной традиции в русской поэзии XX века

[Текст] / Е В Кожеванова // Ярославский педагогический вестник – 2004 №4 – С 189-193 (0,4 п л)

5 Кожеванова Е В Герменевтика художественного текста в аспекте восточно-западного диалога культур / Е В Кожеванова // Культурология в контексте гуманитарного мышления Материалы Всероссийской межвузовской конференции – Саранск, 2004 – С 57-60 (0,25 п л)

6 Кожеванова Е В Повседневность как пространство онтогенеза (восточная ментальность в прозе Т Пулатова) [Текст] / Е В Кожеванова // Поэтика повседневности Фольклор Художественная литература Материалы конференции «Пушкинские чтения» – СПб, 2005 - С 114-118 (0,3 п л)

7 Кожеванова Е В Насаждение комплекса провинциальности среди представителей древних культурных столиц в советскую эпоху [Текст] / Е В Кожеванова // Столицы и столичность в истории русской культуры – Ярославль, 2006 - С 171-176 (0,4 п л)

8 Кожеванова Е В «Восточная» образность в системе мироощущения советского писателя Т Пулатов [Текст] / Е В Кожеванова // Ярославский педагогический вестник №3 (52)/2007 – С 80-83 (0,3 п л)

9 Кожеванова Е В Религиозное сознание и ментальность в советской Средней Азии сквозь призму художественного текста [Текст] / Е В Кожеванова // Международный colloquium молодых ученых «Науки о культуре в новом тысячелетии» – М - Ярославль, 2007 – С 118-122 (0,4 п л)

Подписано в печать 26.09.2004

Формат 60х90 1/16

Печать офсетная Усл печ л 1,5

Тираж 100 экз

Заказ 12 20

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Ярославский государственный педагогический университет
имени К Д Ушинского»,
150000, г Ярославль, Республиканская ул , 108

Типография
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет имени К Д Ушинского»,
150000, г Ярославль, Которосльская наб , 44